

К. В. Пигарев, кажется, находит веские доказательства датировки: «Выдержанная в высоком стиле, она (речь Лисицы, — Л. К.) своей витиеватой лексикой . . . напоминает образцы официальных надгробных речей, произносившихся у церковного амвона». В примечании К. В. Пигарев рассказывает о живучести басни: когда в 1894 г. В. О. Ключевский произнес «Похвальное слово» умершему императору Александру III, кто-то, возмущенный верно-подданнической речью ученого, прислал ему переписанный от руки текст басни Фонвизина.¹¹

Все кажется правдой и все колеблется, едва мы обратимся к фактам.

Последний российский самодержец действительно чтит память своего отца. Отсюда и речи, и памятник, воздвигнутый в Петербурге. Однотипной ли была ситуация начала 1762 г.? Посмотрим газеты, в первую очередь московские, так как Фонвизин жил в Москве.

Елизавета умерла 25 декабря 1761 г. С известием о вступлении на престол нового императора 31 декабря в Москву причаился граф И. Л. Воронцов. 1 января в Успенском соборе совершилось молебствие во здравие нового императора. «Сие всерадостное приключение во всем городе и во всех домах торжественно происходило с великим веселием и всенародным искренним торжеством», — сообщили 4 января «Московские ведомости».

В последующих январских номерах (5, 8, 10, 15) сообщается о речах в честь знаменательного события. Они произносились в Петербурге преимущественно архиепископом новгородским Дмитрием Сеченовым. Текст речи, произнесенной в день похорон (5 февраля 1762 г.), в «Московских ведомостях» не был напечатан. Во всех остальных имя Елизаветы упоминается вскользь или вовсе не упоминается, а бесконечные похвалы рассыпаются в адрес Петра III. Новому императору посвящены и оды, печатавшиеся в журналах.

На смерть Елизаветы откликнулся Сумароков; Ломоносов изготовил надгробную надпись для статуи, воздвигнутой в Петербурге в траурном зале императрицы.¹² В ней есть многое из того, о чем говорит Лисица: вспоминается кротость Елизаветы, ее щедрость, величие; но, живя в Москве, Фонвизин мог не знать надписи, и все, что мы знаем об отношении Фонвизина к Ломоносову, сам облик поэта-ученого, автора «Гимна бороде», исключает сопоставление его имени с лицемерным святошю. Мало подходил под этот образ и Сумароков.

Таким образом, если видеть в басне отражение событий начала 1762 г., наиболее вероятным прототипом Лисицы-казнодея можно

¹¹ К. В. Пигарев. Творчество Фонвизина, стр. 72 и 295.

¹² См.: М. В. Ломоносов, Полн. собр. соч., т. 8, Изд. АН СССР, М.—Л., 1959, стр. 768.